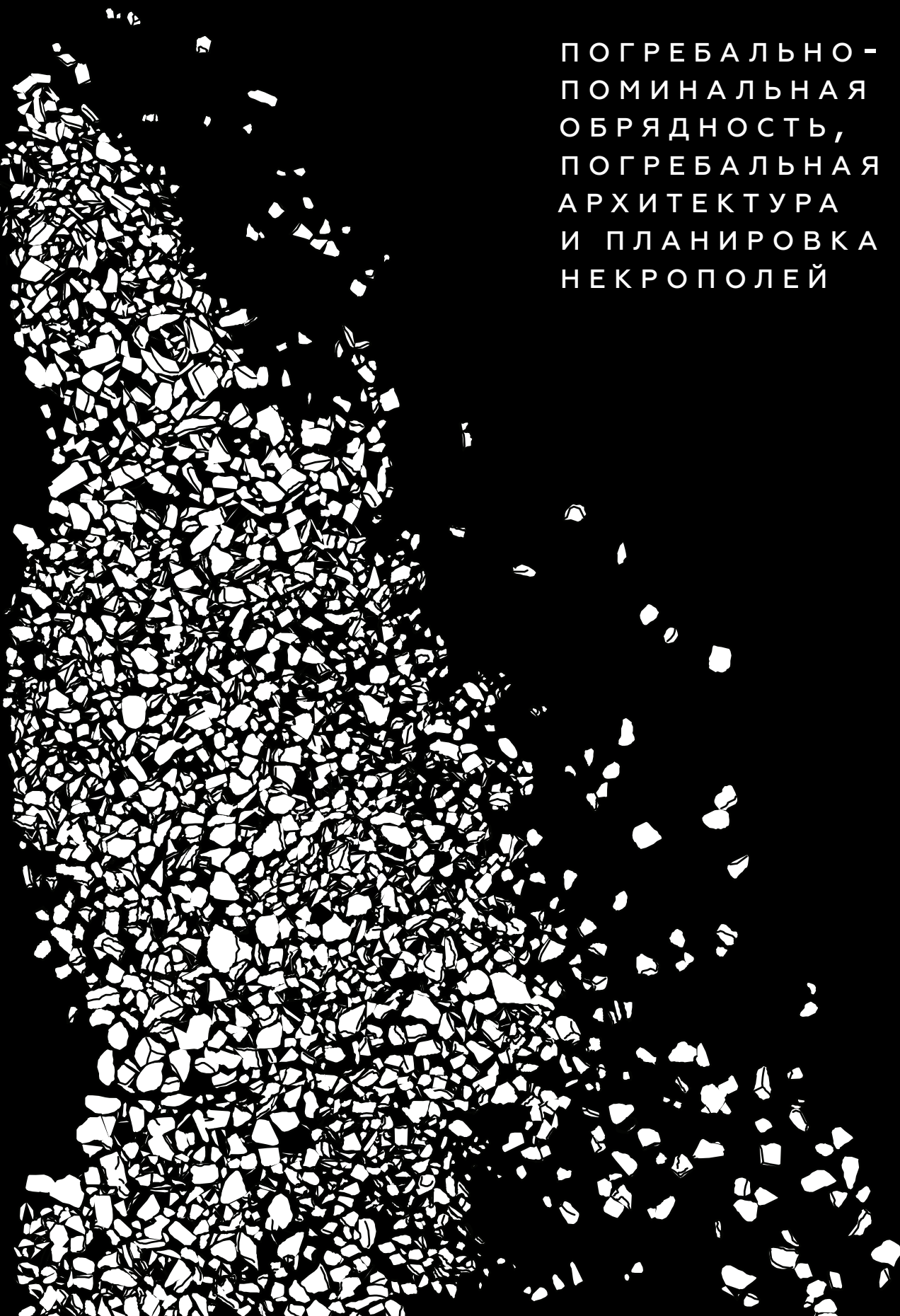

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядающих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттут 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

А. Г. Акулов

«ВРЕМЯ КОТОВ».

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ПОЛТОРА ВЕКА МЕМОРИАЛОВ ТАГАРСКИХ НОБИЛЕЙ

Работа посвящена развитию мемориальной архитектуры курганов нобилитета в тагарской культуре. Выделены основные тенденции и фазы развития, региональные варианты, локальные традиции. Показаны вероятные передвижения отдельных властных кланов.

Строительство кургана Аржан в Туве открывает эпоху сооружения масштабных мемориалов знати на всем Саяно-Алтае. В Минусинской котловине к этому времени в тагарской культуре уже существуют каноны строительства таких комплексов (восьми- и десятикаменный «престижный» курган) и принципы их расположения в ландшафте. С возрастанием масштаба этих мемориалов проявляются особенности, свойственные разным локальным вариантам этой архитектурной традиции: юго-западному, с высочайшими стелами и компактным архитектурным объемом (мемориалы Могильной степи и Сафронова); сахсарско-уйбатскому, создающему площадку с самостоятельными архитектурными вертикалями (Сорай, Узун-Оба) и северному, с широкими и невысокими стелами, где происходит переход к строительству подкурганых склепов (Узун-Хая, Туим). Носители северной традиции продвигаются затем в Уйбатскую степь, где во взаимодействии с местными кланами окончательно возникает новый, тигейский тип мемориалов с насыпью и подкурганым склепом и его высший ранг — многокаменные курганы Нижнего Уйбата (Каракурген). Подобные курганы, сохраняющие местные особенности, начинают возводиться для высшего нобилитета на севере и юге котловины (Кизлас, Озеро Шира). Наивысшего развития эти тенденции достигают на Салбыкском поле, где возникает новый тип курганов с высокой насыпью и модифицированным двенадцатикаменным канонем, который будет служить образцом для сооружения мемориалов нобилитета в поздне-тагарское время.

Ключевые слова: тагарская культура, мемориалы знати, курган Аржан, Большой Салбыкский курган, курганная архитектура, Минусинская котловина, курган Тигей

Бросая взгляд на культуры эпохи поздней бронзы евразийских степей, нельзя не обратить внимание на противоречивые тенденции в курганном строительстве. На западе, с одной стороны, практически сходит на нет строительство «слоеных пирогов» — мощных курганов с множественными насыпями и досыпками над впускными погребениями, все больше становится бескурганых могильников, с другой — в конце эпохи появляются отдельные крупные индивидуальные сооружения. На востоке, напротив, относительно небольшие, но ладные индивидуальные курганы сменяются огромными, площадью до нескольких гектар, погребально-поминальными комплексами в культуре херексурсов и оленных камней Монголии (*Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010а*), «архитектурность» которых, однако, при незначительной высоте сооружений сомнительна. Подобный разброд, очевидно, отражает глубокое преобразование насчитывающей к тому времени три тысячи лет курганно-мегалитической традиции. По всей Ойкумене уходит старая, вот-вот родится новая эпоха, эпоха верхового коня и железа, алфавита и героических эпосов, и, конечно, это влечет смену смыслов, вкладываемых создателями в «холмы, увенчанные коронами из зазубренных камней», приковывающие наш взгляд в степных ландшафтах от Дуная до Хуанхэ.

Новый смысл, до этого довольно робко пробивающий себе дорогу, на Саяно-Алтай приходит и получает свое блестящее воплощение в кургане Аржан, первом настоящем памятнике скифского времени и скифского мира (*Алексеев и др., 2005. С. 100–102*). Его дату можно считать твердо установленной, около 800 г. до н. э. (*Зайцева и др., 2007*). В Туранской котловине мы не наблюдаем никаких сопоставимых с ним по масштабу и сложности архитектурных комплексов предыдущих эпох, зато почти наверняка можем предполагать, что среди его строителей были пришельцы с юго-востока, так как периферические сооружения курганов Аржанского поля находят прямые аналогии в херексурах Цен-

тральной Монголии (*Ковалев и др.*, 2014). Однако масштаб и высота центральной насыпи здесь и там просто несопоставимы, так что мы имеем дело именно с появлением на основе синтеза различных центральноазиатских традиций совершенно нового типа памятника — «царского кургана», масштабного индивидуального мемориала¹ высшего нобилия, маркирующего создание крупных племенных объединений возникающего мира кочевников раннего железного века. Аржаном создается прецедент сооружения подобных мемориалов, на который начинают равняться все окружающие общества.

Тагарская культура Минусинской котловины встречает этот вызов с уже вполне состоявшейся традицией строительства «престижных курганов» — мемориалов постепенно возникающей социальной элиты. Процесс формирования этой традиции пока понятен только в общих чертах. Четырехугольные (прямоугольные или слегка трапециевидные) ограды и насыпи в эпоху поздней бронзы встречаются по всем евразийским степям, концентрируясь все же преимущественно на востоке, в Центральной Азии. Здесь же мы встречаем, начиная с окуневско-чумурчекского времени, крупные валуны или небольшие стелы в углах оград (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2010б).

В эпоху поздней бронзы четырехугольные ограды с вертикальными акцентами по углам распространяются в Центральной и Западной Монголии (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2010а). То же мы видим в каменноложских памятниках Минусы (*Азаретов*, 2006; *Азаретов, Поляков*, 2008). Аналоги дополнительных каменных сооружений престижных курганов — «ворот» («входа») и выносных камней — мы тоже наблюдаем: первые — в окуневской культуре, схожие структуры, выделяющие центр восточной стороны ограды, есть и в чумурчекских памятниках, и в гигантских центральномонгольских херексурах поздней бронзы; вторые — в вертикальных стелах, стоящих вблизи курганов и херексуров, и, прежде всего, конечно, в оленных камнях, точно так же, как и выносной камень, репрезентирующий умершего. Так что, с одной стороны, все эти формы и структуры можно охарактеризовать, как бродячие мотивы и сюжеты центральноазиатской мемориальной архитектуры на протяжении всей эпохи бронзы. С другой же — отмечается их внятная концентрация в финале этой эпохи в юго-восточных по отношению к Минусинской котловине регионах, и это, вместе с хорошо известными предметами металлокомплекса, маркирует продвижение отсюда групп населения еще в доаржанское время².

С этой точки зрения, инвариант тагарской мемориальной архитектуры, возникающий где-то на рубеже тысячелетий на основе четырехугольных оград предшествующих, карасукских и каменноложских памятников, — четырехугольная каменная ограда с вертикальными плитами или стелами по углам, ориентированная главной осью ЗЮЗ-ВСВ — не представляет собой ничего из ряда вон выходящего, просто одна из версий известного сюжета. Действительно новые и яркие особенности появляются здесь

¹ Мемориальная функция крупного кургана скифской эпохи как минимум не менее важна, чем погребальная. Эту функцию имеет любой надмогильный знак — небольшой курганчик, столбик, крест — однако современное употребление этого слова предполагает значимость сооружения для более крупной социальной единицы, нежели семья погребенного, далеко выходящую за пределы погребального обряда как такового. Мемориал есть визуализация в конкретном локусе реального мира памяти коллектива об исторических и культурных событиях, связанных с той личностью, которой он посвящен, своеобразный «порт связи» с силами, предопределившими эти события, и со смыслами, которые этим событиям приписываются, функционирующий как для коллектива в целом, так и для каждого его отдельного члена. «Будущее создается тобой, но не для тебя» — переосмысливая этот известный афоризм Стругацких, можно сказать, что мемориал создается по погребенному в нем «протагонисту», но не для него.

² В синхронных культурах Центральной и Западной Монголии также происходит ряд трансформаций, и логично предположить, что «генератор» этих движений находится южнее, на границе древних китайских царств с миром их северозападных соседей жунов и ди, постандроновских племен скотоводов и металлургов. Масштабные события здесь — формирование «полуварварского» клана Чжоу, войны смены династий, конфликты эпохи Западного Чжоу — фиксируются китайскими источниками начиная с XIV в. до н. э. (*Сыма Цянь*, 1972. С. 181, прим. 17, 19), времени формирования классической карасукской культуры. Появление каменноложских памятников подозрительно совпадает по времени с коллизиями смены династий, а строительство Аржана происходит через двадцать лет после первого масштабного поражения сюаньжунов от циньского Чжуан-гуна (*Сыма Цянь*, 1975. С. 18). Может быть, где-то между Хангаем, Вэйхэ и Ордосом найдется и прообраз высокой круглой платформы Старшего Аржана?

как раз к аржанскому времени, и они предвещают блестящее будущее самой «архитектурной» линии курганной традиции евразийских степей.

Тагарская мемориальная архитектура. Время Аржана (ок. 800 г до н. э.)

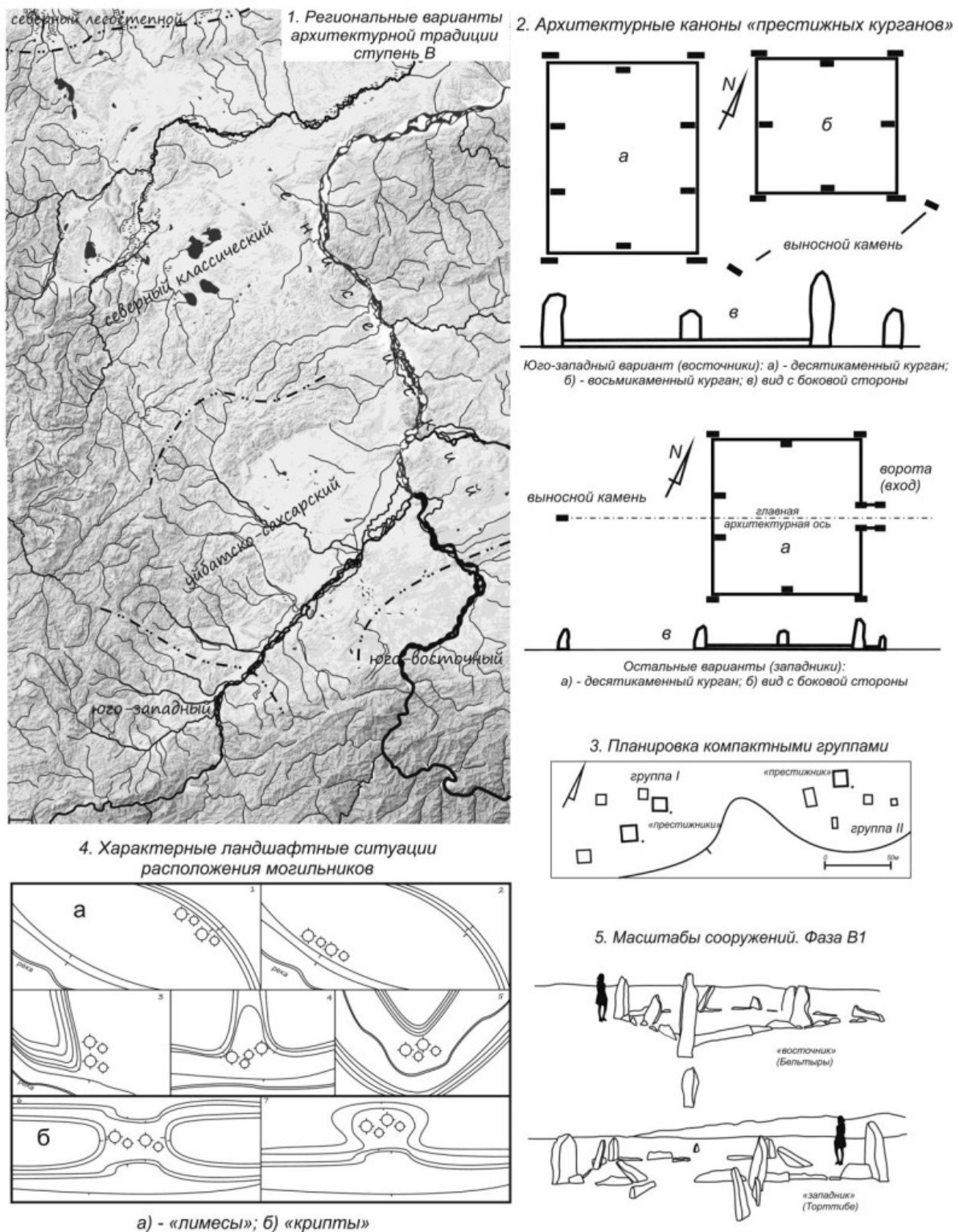

Рис. 1. Тагарская мемориальная архитектура в эпоху сооружения кургана Аржан (ок. 800 г. до н. э.)

Прежде всего, это формирование основных достаточно жестких архитектурных канонов престижных курганов: десятикаменный курган с воротами с востока и выносным камнем с запада («западники») или восьми-, иногда десятикаменный курган с выносным камнем у юго-восточного угла («восточники»)

(рис. 1, 2) (Акулов, Паульс, 2008); отклонения — типа престижных шестикаменников уходят в прошлое, единичные химеры, например, девятикаменные курганы или «косые» выносные камни — тоже. Появляются и становятся общепринятыми принципы объединения подобных мемориалов в единые архитектурно-планировочные комплексы (стоящие недалеко друг от друга компактные группы из одного-двух престижных курганов и нескольких сопутствующих рядовых — рис. 1, 3) и выбора соответствующих участков местности (лимесы — границы ландшафтных участков с их кроссингом тем визуального восприятия, крипты — небольшие понижения в мелкосопочниках, целиком превращаемые размещенными там курганами в мемориальные пространства-артефакты — рис. 1, 4). Стелы по углам курганов уже достигают в высоту 2–2,5 м, задавая масштаб, превосходящий обычный человеческий. Тысячелетняя архитектурная эпопея превращения большей части Минусинской котловины в подмошки для демонстрации искусства тагарских зодчих и амбиций властных кланов уже началась. Немного недостает только масштабности самих памятников: самые большие мемориалы этого времени едва превышают 10 метров по длинной, фронтальной стороне ограды (рис. 1, 5), но как раз это и восполняется после появления за хребтом Саян «Старшего» Аржана, создающего тот прецедент, который не может игнорировать набирающая силу элита.

Об общем хронологическом соответствии этих мемориалов аржанскому времени в Туве говорят как полученные в последние десятилетия серии радиоуглеродных дат, так и известные всем специалистам по археологии региона аналогии, прежде всего, в металлокомплексе (Членова, 1997. С. 10–26). Вообще на уточненных радиоуглеродных датах базируется общая привязка во времени описываемых процессов. Помимо «Старшего» Аржана, это, прежде всего, даты, полученные из самих мемориалов ранговой знати — Тигей (VIII в. до н. э.), Черемшино (последняя четверть VIII в. до н. э.), Большой Салбыкский курган (вторая четверть VII в. до н. э.) (Александров и др., 2014; Поляков, Святко, 2009; Седых, Марсадалов, 2009; Марсадалов, 2015. С. 107–115).

К сожалению, все они относятся к поздним горизонтам описываемого в этой работе периода, поэтому более ранние даты приходится реконструировать исходя из интегрированных в единую схему частных историй строительства мемориальных комплексов тагарских нобилей³.

Согласно новым тенденциям, воплощенным в Аржанском мемориале, здесь, за Саяном, резко ускоряется формирование ранговой знати, что создает социальный заказ на сооружение впечатляющих мемориальных комплексов. То, что дальше начинает происходить, начисто развеивает известный миф о некоей особой «консервативности» тагарской культуры.

Все начинается простым увеличением масштаба (ступень B2). Линейные размеры оград возрастают в два — два с половиной раза, высота стел — в полтора-два. Пока это не создает серьезных проблем при их сооружении, зато приводит к четкому проявлению стилистических особенностей, характерных для региональных вариантов и локальных традиций. И, кстати, к созданию первых архитектурных шедевров, поскольку масштаб мемориалов делает их по-настоящему величественными, ставя вопрос об их пространственном взаимодействии в рамках единого архитектурного ансамбля и побуждая создателей к нестандартным эффектным решениям.

«Когда двое делают одно и то же, это не одно и то же», мемориалы тагарской культуры похожи только на первый взгляд, и мы можем различить, как минимум, три-четыре классических и два периферийных варианта тагарской мемориальной архитектуры (рис. 1, 1). Юго-западный («восточники»), ограниченный горами Алатау и Западного Саяна и долинами Аскиза и Табата; уйбатский — на север от

³ Эти частные истории реконструируются исходя из представления о принадлежности престижных курганов людям, имевшим определенный статус (главы большой семьи или клана), следовательно, в каждом поколении в мемориальном комплексе таких курганов должно быть не больше одного-двух. В целом материал неплохо подтверждает эту версию, исключения касаются ситуаций захоронения на одном мемориальном поле/могильнике двух или нескольких линий тагарских нобилей, очевидно, связанных между собой родством. Престижные курганы разных могильников синхронизируются по схожим типологическим и стилистическим признакам. Полученная таким образом схема кажется вероятностной и умозрительной, но она «работает». Так, вывод о влиянии «Старшего» Аржана на строительство тагарских мемориалов был сделан не на основе общекультурных соображений, а потому, что первые по-настоящему крупные курганы «ушли», согласно выстраиваемой хронологии, в первую — вторую четверть VIII в. до н. э.

него по правобережью Абакана до Косинского хребта; северный классический — Ширинский озерный край, Июсы, Божьи Озера, вплоть до Верхнего Причулымья и северного подножья Солгона. Схож с северным енисейский вариант, вдоль долины реки от Думной горы до Куртака и Комы, однако, в отличие от северного классического, на нем слабо отражаются влияния иных традиций и «школ», и, в силу этого, он менее ярок. На периферии мы наблюдаем два «неархитектурных» варианта с сильно редуцированными каменными конструкциями — северный лесостепной в Назаровской котловине и Мариинской лесостепи и юго-восточный по обоим берегам Енисея от выхода из «трубы» до устья Кои. Их мы касаться далее не будем, равно, как и енисейского, именно в силу его относительной гомогенности и устойчивости. А вот первые три варианта дают возможность отследить\

ь как присущие именно и только им особенности и тенденции, так и влияния друг на друга, вплоть до физического передвижения групп их носителей.

Наиболее обособленным вариантом является юго-западный («восточники»). И важно не только расположение выносного камня и отсутствие «ворот». Высота стел и относительная компактность их расположения позволяют сформировать крупный, цельный, статичный архитектурный объем, безусловно доминирующий над неясной и противоречивой структурой планировочных осей и направлений. О том, как может выглядеть такой объем, дают прекрасное представление эффектные мемориалы Могильной степи, среди которых настоящим шедевром выглядит Большой Онхаков (рис. 2, 1).

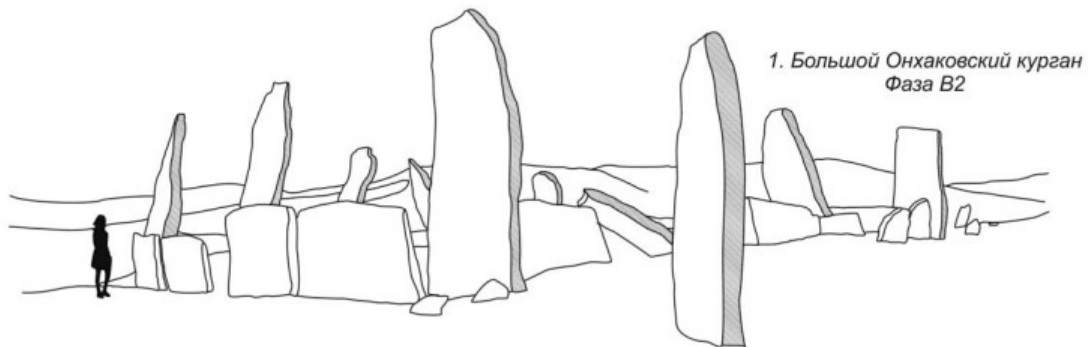
Другой великолепный памятник — Верхний Сафроновский могильник, демонстрирует абсолютно нетрадиционное решение планировки архитектурного ансамбля крупнейших для своего времени мемориалов (рис. 2, 2). Начинает строиться он еще в фазу В1 с двух компактных групп, в каждую из которых входит престижный курган со сторонами ограды 7–9 м и высотой стел 1,7–2,2 м и два–три небольших рядовых, стоящих вдоль края высокой террасы, господствующей над долиной, где размещены памятники рядового населения. Третий кластер продолжает эту планировочную схему, начинаясь также со стоящего вдоль бровки кургана. Однако этот курган — один из самых великолепных в Минусинской котловине раннетагарских мемориалов, десятикаменник размером 16 × 20 м с высотой стел до 5,5 м (юго-восточная стела, ближайшая к выносному камню). При продолжении строительства согласно применявшейся схеме, последующие «престижные» курганы уходили бы под склон невысокой сопки на краю террасы. И архитекторы клана решаются на необычный ход, выстраивая следующие, не уступающие по размерам мемориалы в шеренгу с небольшими промежутками — прием, применявшийся при строительстве рядовых могильников. Сопутствующие рядовые ограды строятся за тыловой, западной стороной престижных, а дальше, под склоном сопки возводится еще одно необычное для того времени сооружение — небольшая, чуть меньше 10 × 10 м, ограда, к которой сбоку пристроена аналогичная по размерам. Этот прием характерен для строительства на рядовых могильниках, но здесь обе ограды имеют выносные камни.

Получился потрясающий по эффектности комплекс. Высочайшие во всем раннем тагаре юго-восточные стелы причудливых форм, своей акцентированностью разрушающие и без того не слишком упорядоченную структуру мемориалов «восточников», расположение на краю ландшафтного участка, применение необычных планировочных приемов, — все это создало динамичный, вызывающе неуравновешенный, парадоксальный памятник и обусловило странные, «психоделические» свойства пространства на нем, судя по количеству и тематике петроглифов на каменных стелах оград, интенсивно использовавшиеся в дальнейшем для шаманских камланий и прочих ритуальных и магических процедур.

Несмотря на отдельные блестящие решения, в целом архитекторы «восточников» все же концентрируются на самом сооружении, не на пространстве, создаваемом им, что, на мой взгляд, говорит о большей значимости для них архитектурной идеи мемориала, как «дома» или «усадьбы» покойного. Альтернативная же концепция наиболее ярко выражена в мемориалах этого времени уйбатско-сахарского варианта, классического, предельного варианта «западников», где ясная и выразительная планировочная структура памятника безусловно доминирует над растянутым, разбросанным, визуально распадающимся архитектурным объемом. В историческом развитии этих комплексов отчетливо выражена тенденция к превращению их, прежде всего, в площадку, высокоупорядоченное пространство,

структурированное и оформленное достаточно самостоятельными архитектурными вертикалями стел и предназначенное для отправки в последний путь. Здесь идея «терминала», идея посмертного ухода навстречу восходящему солнцу, выражается наиболее последовательно.

Архитектура «восточников» (юго-западный вариант)

2. Мемориальный комплекс Верхний Сафронов

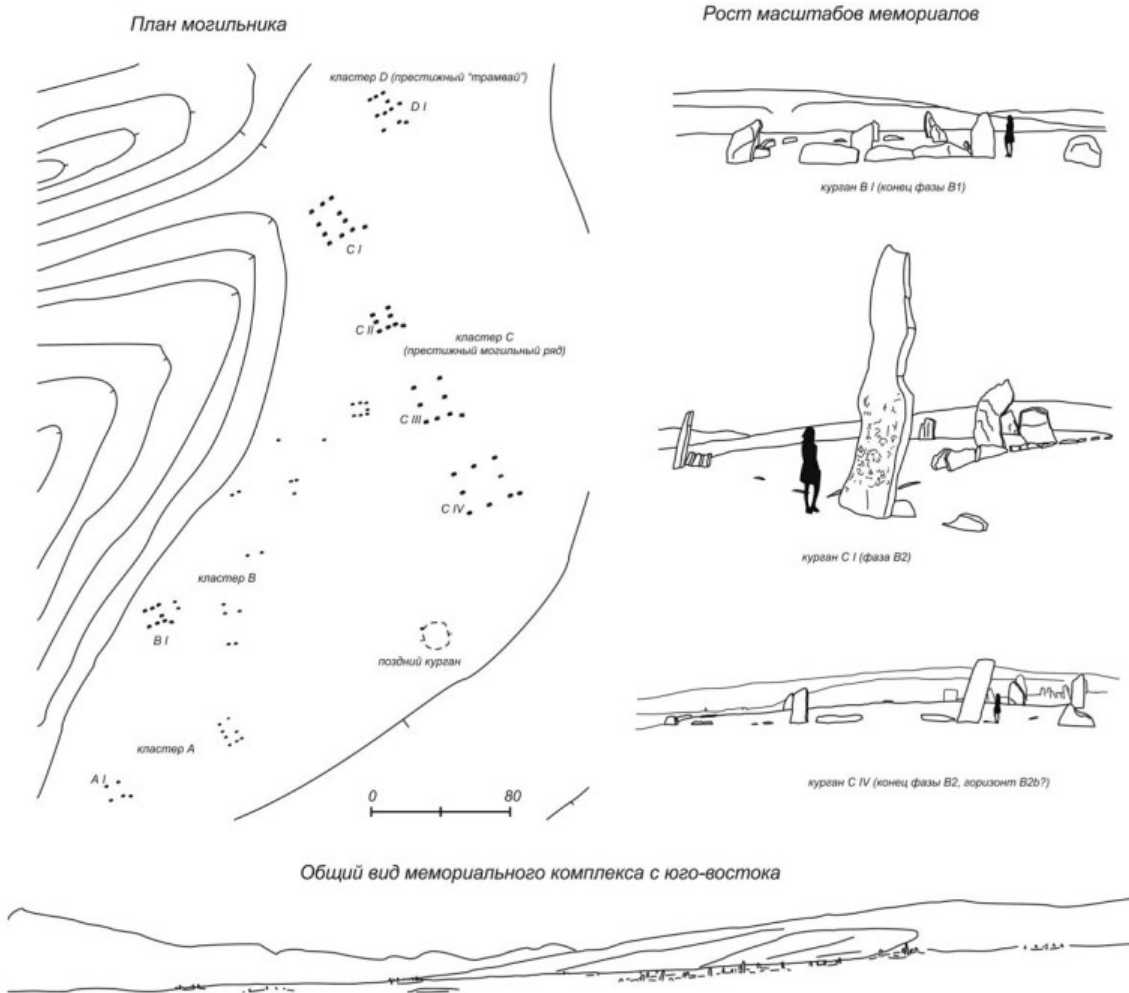

Рис. 2. Развитие мемориальной архитектуры юго-западного варианта в раннетагарское время

Особенно четко это видно в мемориалах Сыров, Сахсара и западной части Уйбатской степи, ближе к предгорьям Алатау. Здесь в финале классического раннего тагара происходит еще большее увеличение масштаба мемориалов (более 30 м в Сорае, Хамысхоле и Узун-Обе) и фиксируется четко диагностируемый сорайский горизонт В2b трапецевидных в плане курганов с «оттянутым» юго-восточным

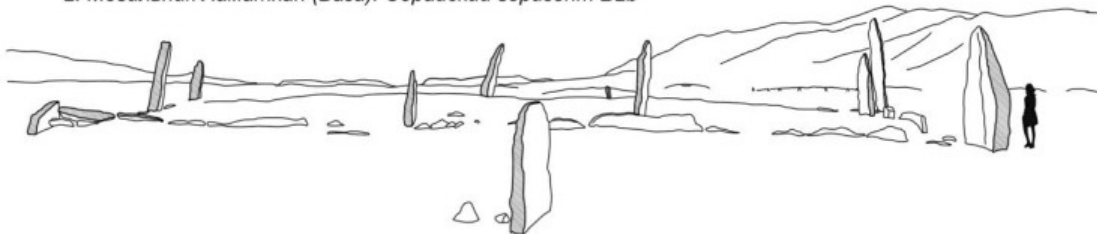
углом и очень маленьким, 0,5–0,7 м от боковой стороны, расстоянием до выносного камня (вероятное влияние «восточников»). Крупные стелы-обелиски, часто из бело-розового гранита, делают их очень эффектными (рис. 3, 1, 2, 4). И это вызывает определенный кризис. Ограда совершенно «отрывается» от конструктивных элементов могилы (выкид, перекрытие, панцирь), охватывая значительную площадь, которую приходится как-то заполнять камнями и грунтом. Стелы вырастают до своего предела в 3–6 метров, но это не компенсирует возросшее расстояние между ними, и архитектурный объем окончательно разваливается.

Архитектура Уйбата и Сахсаров. Финал раннетагарской эпохи.

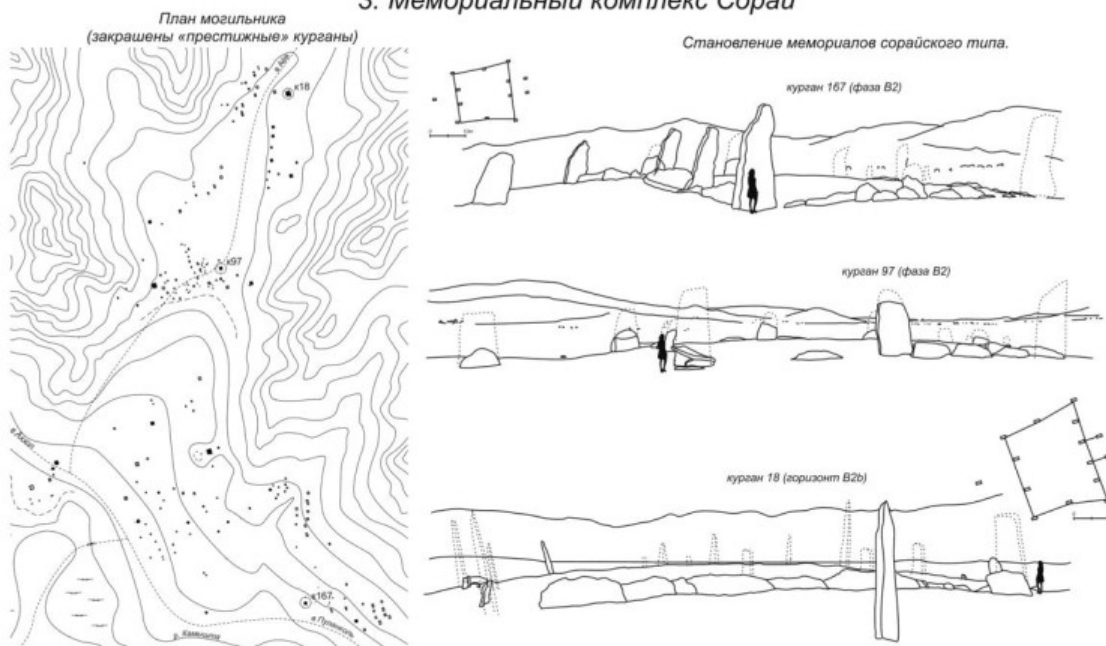
1. Могильник Амога (Кутень-Булук) «Гранитный курган». Сорайский горизонт B2b

2. Могильник Хаматхан (База). Сорайский горизонт B2b

3. Мемориальный комплекс Сорай

4. Мемориал Узун-Оба.

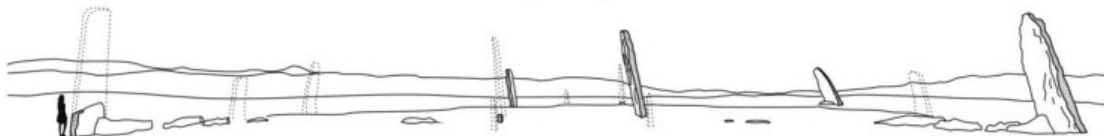

Рис. 3. Развитие мемориальной архитектуры уйбатско-сахсарского варианта. Сорайский горизонт

Одну из попыток справиться с этим мы видим в мемориалах эпонимного для горизонта могильника Сорай (рис. 3, 3). В прошлом, это, возможно, самый масштабный и впечатляющий раннетагарский мемориальный комплекс во всей котловине⁴, к сожалению, сохранившийся хуже из-за использования стел курганов этого времени при постройке сооружений более поздних эпох — поминальников при таптыкских склепах и вертикальных стел чаатасов. Здесь сыграла роль та же причина, что и в его возникновении — расположение в перворазрядном узле связности, перекрестке важнейших путей: с юга на север региона по долине Камышты и трансрегионального пути с Алтая к устью Абакана и далее вниз по Енисею или по Тубе к перевалам Восточного Саяна. В комплексе, существующем с самого начала тагарской культуры, свыше двухсот курганов, из них более двадцати пяти престижных, принадлежащих к разным, отличающимся архитектурными нюансами линиям (и, очевидно, разным кланам или линиджам). Наиболее яркие и масштабные мемориалы возводит здесь клан, появившийся в самом начале фазы В2 и практически сразу сооружающий трапезиевидные в плане ограды с «оттянутой» юго-восточной стелой увеличенной высоты и «сверхблизким» выносным камнем на расстоянии половины длины боковой стороны ограды, а то и меньше. Мемориалы этой линии располагаются на границах могильника и ключевых точках рельефа, игнорируя уже сложившиеся структуры, что, скорее, говорит об иммиграции сюда группы, их оставившей, а компактность и местонахождение первых из них на юго-восточной границе могильника, вниз по Камыште — что они, возможно, пришли из мест, граничащих с ареалом «восточников». Последний, самый крупный мемориал этой линии Сорай 18, будучи отнесен вглубь лога, вообще переформатирует все пространство мемориального комплекса, превращая уже существующий могильник на перевале из лога в долину Камышты и под ним в своеобразную аванплощадь перед собой. Это — второй по величине после Узун-Обы раннетагарский курган Минусинской котловины (31,5 м фронтальная, 24–25 м остальные стороны, высота сохранившихся двух стел 3,5–4 м) стал первым многокаменным курганом, где между угловыми и промежуточными камнями по фронтальной стороне, а, возможно, и по боковым, было поставлено по стеле, создавая впечатление их аномального количества и восстанавливая плотный архитектурный объем. Этот прием ждет большое будущее.

Другую попытку восполнить архитектурный объем фиксирует, вероятно, даже чуть более ранний раскопанный курган в Багульном — Уйбат-Хулгане (*Кизитин*, 1994), где внутри основной ограды устанавливается меньшая, состоящая из крупных валунов, и увеличивающая мощность заполняющего ее полностью каменного панциря. Это, безусловно, один из прообразов надмогильного сооружения, перекрытого насыпью, основного способа строительства позднейших курганов.

Могильники Сафронов, Онхаков, Сорай, Узун-Оба, Хамысхоль, Кутень-Булук — великолепный финал традиции раннего тагара в Южно-Минусинской котловине. Однако новая парадигма тагарской мемориальной архитектуры формируется все же не здесь.

К северу отсюда, за Косинским хребтом до Божьих Озер и Чульма, распространен внешне достаточно однородный северный вариант классической раннетагарской архитектуры. Радиоуглеродные даты вроде бы показывают синхронное с югом появление тагарских памятников, формативная ступень А, выделенная нами (*Акулов, Паульс*, 2008), здесь представлена не хуже. Все же создается впечатление, что памятники классического раннего тагара ступени В располагаются в местных ландшафтах не столь плотно, как на юге, и, таким образом, возможность существования их на севере Минусинской котловины менее продолжительное время не может быть исключена.

По планировке это обычные мемориалы «западников», на ступени В2 они здесь несколько меньше, чем на юге, достигая по длине стороны ограды 15 м лишь в исключительных случаях (рис. 4, 2). Тем не менее, в своем архитектурном оформлении они существенно отличаются, стелы здесь гораздо более приземистых пропорций и не превышают 2,5 м в высоту. Юго-восточная стела также часто выделяется

⁴ Наряду с Могильной степью, значительно большей по площади и количеству сооружений на ней. Однако в отличие от нее, состоящей из макрокластеров, разделенных незастроенными участками, Сорай представляет собой единое застроенное пространство площадью в сотни гектар, в котором выделяется несколько мемориальных ансамблей нобилитета.

большей мощностью и высотой. Однако ни одного мемориала, по своим признакам относящегося к горизонту B2b, с трапецевидностью, получаемой «оттяжкой» юго-восточного угла и «сверх близким» выносным камнем, мы не наблюдаем.

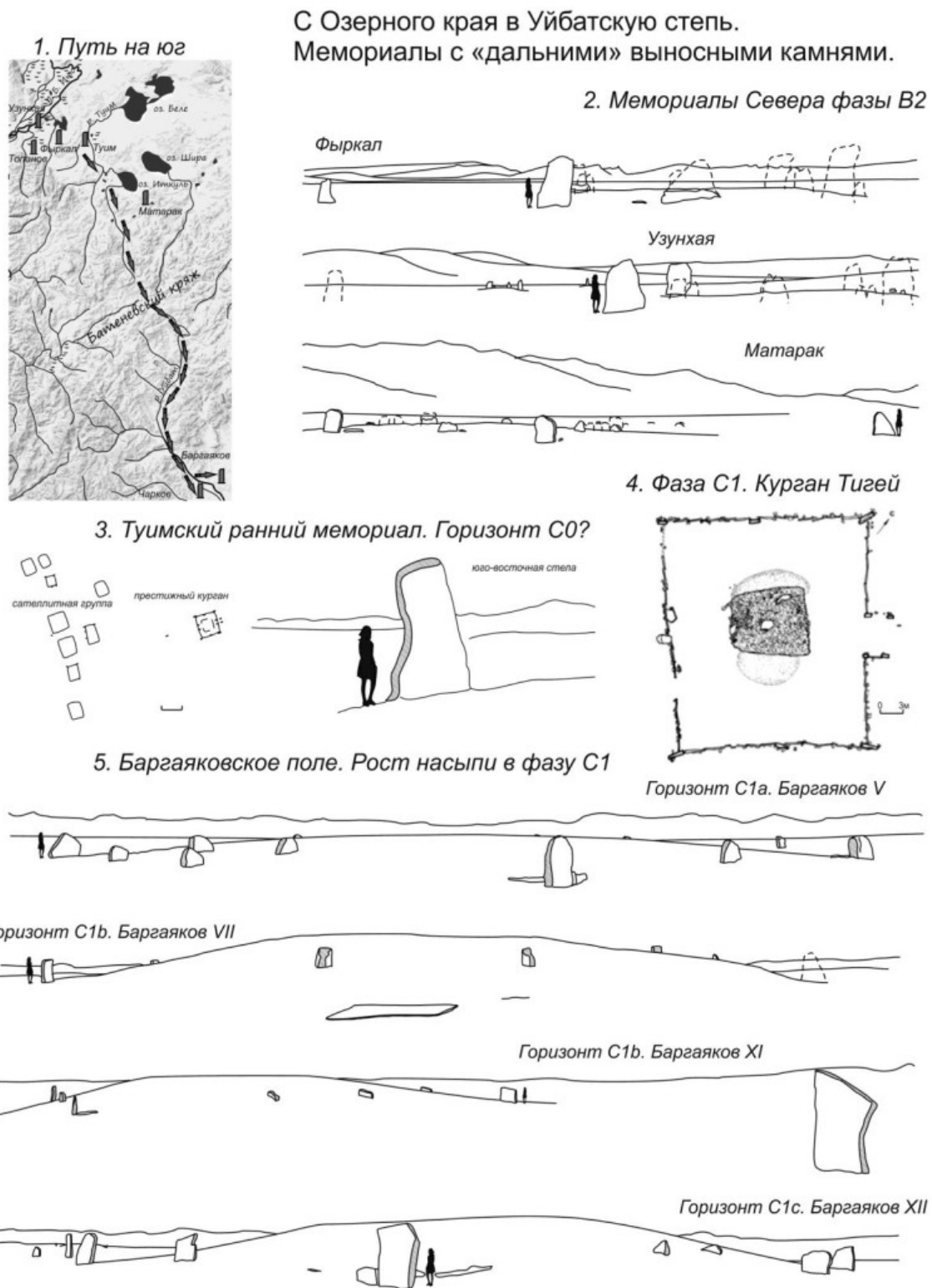

Рис. 4. Развитие мемориальной архитектуры северного варианта и предполагаемое движение на юг северных кланов. Тигейский тип престижных курганов и его развитие. (4 — Седых, Марсадалов, 2009)

Похоже, что новая мода просто не успевает сюда дойти, поскольку в это время здесь уже возникает новый архитектурный и конструктивный тип мемориалов: создание большой могилы с надмогильным сооружением и возможностью подзахоронений, по сути уже склепа, и финального перекрытия пространства внутри ограды грунтовой насыпью усеченно пирамидальной или куполообразной формы, создающей независимый от стел архитектурный объем. Этот переход — ключевой момент, соотносящийся так или иначе с трансформацией тагарской культуры вообще, поэтому он особенно интересен. Убедительно продемонстрировать мемориальный комплекс нобилитета, на котором этот переход происходил бы, без подкрепления наблюдаемых фактов материалами раскопок невозможно. Тем не менее, эти факты свидетельствуют о том, что подобная задача может быть поставлена и решена.

Во-первых, здесь все же есть мемориалы с крупными стелами относительно высоких пропорций около 2,5 м высотой и размерами сторон около 20 м, по наличию спутниковых групп и расположению в ландшафте явно принадлежащие нобильям. Однако насыпь у них уже имеет форму плоского купола высотой в метр или даже несколько больше, что может быть связано только с наличием внутреннего надмогильного сооружения. Такое сочетание новых конструктивных принципов и стилистики, пришедшей с юга, указывает на их вероятное соответствие по времени уже описанным классическим мемориалам конца фазы В2 уйбатского и юго-западного вариантов, построенным еще по старой раннетагарской «модели»⁵. Примером может служить хорошо заметный всем проезжающим по единственной сохранившейся стеле, обломанной на высоте 2,7 м, курган у железнодорожного переезда возле Целинного (рис. 4, 3).

Во-вторых, здесь довольно много могильников, на которых наблюдается переход к курганам, перекрытым насыпью. Такие есть везде, но на севере их больше. В основном это рядовые могильники, но кое-где на них встречаются и крупные престижные курганы. Примеров достаточно — от Ораков и Божьих Озер до Иткуля и долины Соны.

В-третьих, на ранний переход к строительству по новым принципам указывает единственный раскопанный здесь согласно современным методикам крупный мемориал следующей ступени С Черемшино (*Александров и др.*, 2014. С. 74–108), принадлежавший, несомненно, клану, входившему в ранговую знать, с показавшейся сначала неправдоподобной радиоуглеродной датой — последняя четверть VIII в. до н. э. Этот мемориал демонстрирует уже абсолютно сложившуюся, выверенную новую конструктивную модель, которая явно развивалась на протяжении минимум одного-двух поколений⁶.

Наконец, несколько забежав вперед, на следующей ступени С построенные согласно новым принципам мемориалы нобилитета по всей котловине так или иначе несут «родимые пятна», указывающее на генезис данной традиции именно на севере. Это приземистость стел, тенденция к изменению их пропорций на более низкие наблюдается повсюду не только у памятников, оставленных выходцами с севера котловины, но и у демонстрирующих явную связь с предшествующей элитой этих мест Большого Тигея и Каракургена на Уйбате, а также на юго-западе в Кизласе. Еще одна черта — четкая прямоугольность ограды, а иногда даже ее «обратная трапецевидность» (тыловая сторона длиннее фронтальной), в сочетании с заниженностью пропорций стел у ряда курганов ступени С в Уйбатской степи, похоже, маркирует мемориалы, строившиеся пришедшими сюда северными кланами, поскольку раньше такую особенность у крупных престижных курганов здесь мы не встречаем.

⁵ Если эти предположения подтвердятся дальнейшими исследованиями, подобные памятники будет логично объединить в «предтигейский» горизонт С0, поскольку принципы устройства самой могилы уже характерны именно для следующей ступени С.

⁶ Исходя из вещевого комплекса в центральной могиле, согласно традиционной схеме развития культуры Черемшино находится на самом рубеже позднеподгорновских/биджинских и раннесарагашенских памятников, ступень С1/С2, по предложенной нами с Е. Д. Паульсом «архитектурной периодизации» (*Акулов, Паульс*, 2008). В общем тренде изменений переходного времени это уже «вторая волна» метаморфоз культуры, идущих с севера котловины и, видимо, сопряженных с усилением культурных связей с Алтаем и Восточным Казахстаном. Насколько они отражают реальные миграции, непонятно, так как при всех изменениях, как в мемориальной архитектуре, так и в культурном комплексе в целом, мы не видим никаких погребальных памятников, могущих быть интерпретированных, как инокультурные.

И у этих мемориалов есть еще один важнейший признак. Это — дальше (1,2–1,4 м) и сверхдальнее (1,5–1,8 м от боковой стороны) расстояние до выносного камня. В подобной комбинации у мемориалов фазы В2 он встречается только в районе Широинских озер — Белого Июса. Иными словами, новая парадигма погребальной архитектуры, наверное, так или иначе формируется по всему северу зоны предгорий Кузнецкого Алатау, однако выходы именно из этих мест⁷, перевалив Батеневский кряж, спустились по Горному Уйбату в Южно-Минусинскую котловину, где в столкновении северных и южных кланов возникает новая смешанная правящая элита и, в конечном итоге, ее высший ранг — Салбыкский Дом (рис. 4, 1).

Здесь, в Уйбатской степи, мемориалы этой элиты образуют совершенно новый для Минусинской котловины тип памятников — династические курганные поля, где задача организации архитектурных ансамблей из мемориалов размерами в десятки метров решается их выносом в величественные пространства открытой степи с неограниченным обзором. Эталонное из них — Баргаяковское (рис. 4, 5), у выхода Уйбата из гор в открытую степь, наглядно демонстрирует нам процессы формирования архитектурного облика мемориальных комплексов нового типа (ступень С, фаза С1). Мощные, размером около 40 метров по сторонам престижные десятикаменники, двумя субшпротными цепочками заполняя пространство широкого плоского увала, постепенно, на протяжении, видимо, трех-четырех поколений растут в высоту от 1,7 до 4,6 м, завершая строительство курганами салбыкского типа около 6,5 м высотой.

Это позволяет примерно синхронизировать большие престижные десятикаменники с близкими пропорциями между высотой насыпи и размерами ограды как принадлежащие одному горизонту и получить картину быстрого, на протяжении двух-трех поколений, распространения мемориалов, строившихся северными кланами, на пространстве между Енисеем, Абаканом, Сахаром и Косинским хребтом (рис. 5, 1), проследить аналогичные движения кланов нобилитета местного происхождения и, в конечном итоге, синтез обеих традиций.

Исчерпывающее представление об устройстве подобных мемориалов дает раскопанный курган Тигей (*Паульс и др.*, 1985; *Седых, Марсаолов*, 2009), престижный десятикаменник с оградой 34 × 28 м, насыпью 2,8 м и стелами в 2,3 м высотой с индивидуальным склепом и лазом в него с западной стороны, прообразом будущего дромоса, с каменно-земляным надмогильным сооружением высотой около 1,8 м (рис. 4, 3). Мы видим памятник абсолютно нового типа, где архитектурный объем всецело создается не стелами, а насыпью, последние же со временем, чем дальше, тем больше, превращаются в элемент архитектурного декора. Подобные памятники еще в 2008 г. мы предложили называть курганами тигейского типа.

Тигей — мемориал нобилей «низшего ранга высшей элиты». Определение возможно, так как мы наблюдаем три ступени размерности таких памятников (30–40–50 м). По расстоянию до выносного камня и конфигурации ограды он возведен северными кланами, однако в пропорциях стел можно усмотреть и некоторое влияние местной традиции.

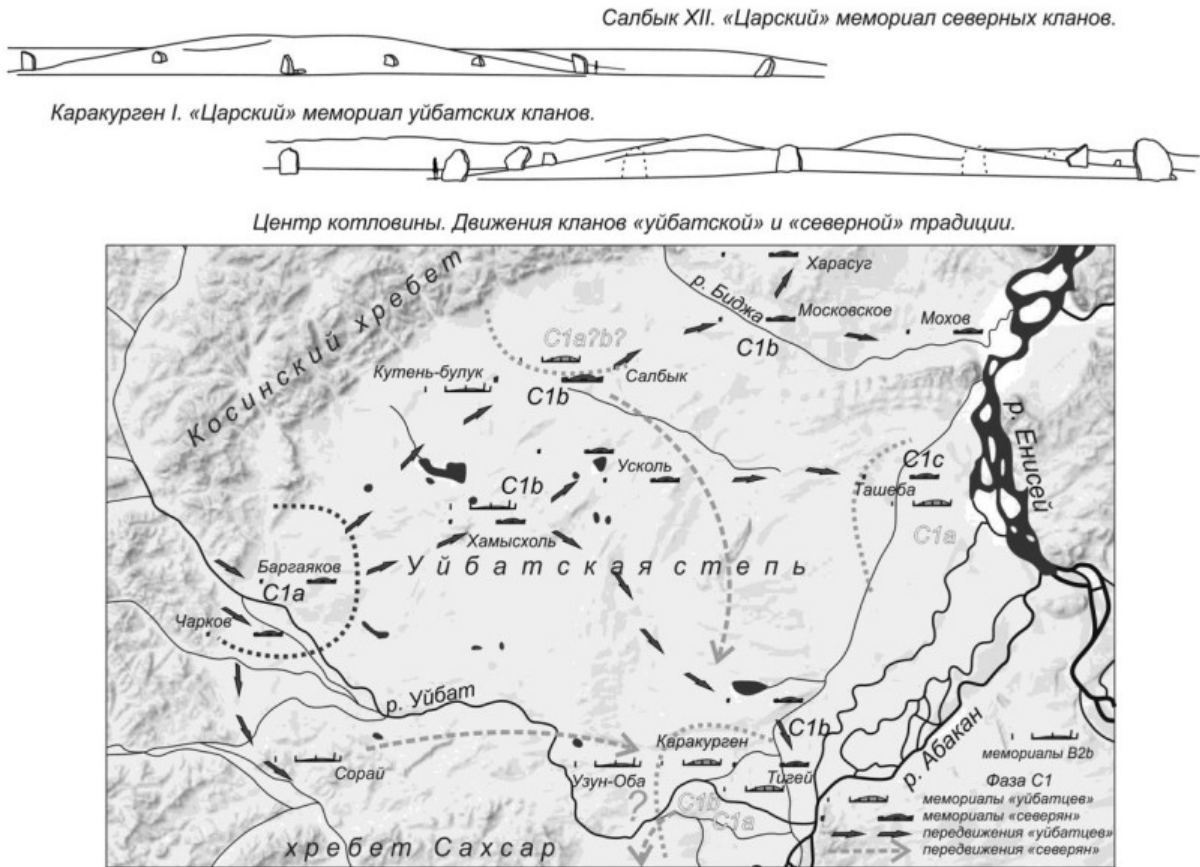
Вообще в это время соперничающие, но и взаимодействующие с северными пришельцами местные кланы и их архитекторы создают свою разновидность курганов тигейского типа, «постсарайскую», с надмогильным сооружением и насыпью, но наследующую их собственные «родовые признаки» — трапецевидность, «оттяжку» юго-восточного угла и короткое расстояние до выносного камня. Именно в их среде возникает тип многокаменного кургана высочайшего статуса, первые образцы которого мы видим на Уйбатском курганном поле (Тигей II, Каракурген), с 18 камнями в ограде (две стелы добавляются с каждой стороны) и увеличенной в высоту насыпью. Размер обоих по стороне близок к 50 м, что в это время является стандартом высшего ранга. «Северяне» отвечают строительством такого же по размерам, но классического престижного десятикаменника со всем

⁷ В связи с этим интересен металловедческий анализ втока из центрального погребения небольшого престижного мемориала фазы В2 в Топаново, который, по мнению С. В. Хаврина (2007), является импортным из более западных регионов степи — Алтая, Восточного Казахстана, что лишний раз указывает на интенсивные связи с этими регионами в период формирования новой конструктивной и архитектурной парадигмы в строительстве мемориалов.

набором соответствующих признаков на Салбыкском поле — вероятно, первого здесь «царского» мемориала. И это, видимо, апогей соперничества, поскольку в более поздних памятниках мы уже наблюдаем сближение традиций и их смешение.

Акме. Ступень С

1. Уйбатская коллизия. Фаза С1.

2. Мемориалы Севера и Юга. Фаза С1

Озеро Шира. Мемориалы с несколькими выносными камнями.

Кизлас. Мемориалы с воротами и выносным камнем с востока.

Тум. Совершенная эстетика нового типа.

3. Большой Салбык. Фаза С2. Венец эпохи.

Рис. 5. Ступень С. Акме тагарской мемориальной архитектуры. Многокаменные «царские» курганы

Из Уйбатской степи, несомненного центра развития архитектуры на этом этапе, новые веяния распространяются по всей котловине (рис. 5, 2). Комплексы мемориалов нобилей везде начинают возводиться в виде династических курганных полей с рассредоточенными отдельными престижными курганами. Многокаменные мемориалы несколько меньшего размерного ранга, около 40 м по стороне, мы встречаем на юго-западе (Кизлас) и на севере (озеро Шира). На юго-западе возникает вполне химерическая традиция соединения в одном памятнике ворот/входа и выносного камня у юго-восточного угла, причем стоящего не вблизи него, как в классическом их каноне, а отнесенного на расстояние, соответствующее принятому в «постсорайских» мемориалах Уйбатской степи, что может быть интерпретировано и как следствие адаптации к новым трендам, и как результат, например, династических браков.

На севере же, в области предполагаемого нами «исхода» северных кланов, помимо традиционно несколько уменьшенных по сравнению с югом курганов тигейского типа, распространенных во всем ареале классического северного варианта, мы обнаруживаем у отдельных мемориалов высокого статуса несколько выносных камней, от трех до пяти. Эта инновация явно представляет собой попытку совместить старый принцип установки выносных камней по покойному высокого ранга с нарастающей «коллективностью» как отдельных погребений, так и мемориалов в целом.

И здесь же, в Озерном крае, возводится абсолютный архитектурный шедевр этой эпохи — десятикаменный Туимского поля. С мощными, низких пропорций стелами, чуть врзлет, визуальными наклонными к востоку, с волнообразными краями основных из них, со сверхдальним, более 1,8 м от боковой стороны, расстоянием до выносного камня, слегка отклоненного в обратную сторону, к западу, и как бы удерживающего курган на месте, он идеально воплощает идею движения, своеобразного «взлета», изначально заложенную в традиции «западников».

Смена этапов тагарской культуры согласно классической периодизации (рубеж ее на «крайнем севере» котловины обозначен курганом Черемшино — 723±20 г. до н. э. (*Александров и др.*, 2014. С. 137–139), на юге должен быть, вероятно, на поколение — два позже, однако для демонстрации того, как именно эта «вторая волна» проявляется в мемориальной архитектуре, пока материал осмыслен недостаточно, есть только определенные наметки) сопровождается серьезными изменениями в вещевом комплексе и погребальном обряде, но не столь заметна в архитектуре мемориалов знати. Принципиальная схема планировки раннесарагашского кургана почти не меняется. Для наиболее крупных престижных курганов незначительно, до двенадцатикаменного, модифицируется канон (дополнительные промежуточные стелы по боковым сторонам). Несколько увеличивается масштаб и — резко — высота курганов (5–7, на Салбыкском поле свыше 10 м). И такой рост архитектурного объема задает мощнейший эффект. Решительно возрастает визуальное доминирование памятника на участке местности, а его образ все более соотносится с понятием «дом мертвых», создавая эффект незримого присутствия «протагониста» мемориала при его посещениях. Это — общая тенденция этого времени в культурах скифского мира, и, вероятно, возникающим «конфликтом версий» между идеями «терминала» и «дома мертвых» объясняется наблюдаемая в памятниках той поры «двухтактность», реализующаяся в каждой традиции в своих конкретных формах, в тагарской, в частности, в системе строительства первоначальной платформы внутри каменной ограды с последующим перекрытием ее высокой окончательной насыпью.

С этого момента в мемориальной архитектуре начинается фаза С2, непревзойденные образцы которой представлены в центральной группе мемориалов Салбыкского поля, синтезирующих в себе признаки мемориалов обоих предшествующих групп знати. Из местной традиции берется многокаменность и небольшая «оттяжка» юго-восточного угла, из северной — общий приземистый абрис стел и далее, 1,1–1,3 по отношению к боковой стороне ограды, расстояние до выносного камня. Вероятно, именно здесь возникают первые двенадцатикаменные ограды престижных курганов, что немедленно приводит к строительству «многокаменников» с двадцатью одной стелой в ограде. Предположительно первым в этой группе был сооружен восемнадцатикаменник на северном увале, последним же, видимо, все же Большой Салбыкский курган, во всяком случае, трудно предположить, чтобы такая блестящая находка архитекторов, как постепенное увеличение в высоту с запада на восток стел боковых

сторон, дублирующая на более обобщенном уровне собственный их абрис, не была бы использована впоследствии (рис. 5, 3). В их сооружении находят свое логическое завершение все вышеописанные процессы: увеличение размеров самого мемориала, поиск оптимальных соотношений между его компонентами, игра архитектурных объемов отдельных памятников в едином ансамбле, создание мемориального ландшафта династических курганных полей. Эти памятники торжественны и великолепны — воплощенная идея Скифского Царства Минусинской котловины.

И это «конец прекрасной эпохи». Нет ансамблю Салбыка равных ни на современных, ни на более поздних курганных полях — все подражатели, эшгоны. Да и в самих его мемориалах — мощных, фундаментальных, уверенных в своем превосходстве — уже нет ни рвущихся ввысь стел Сафронова и Сорая, ни пластающихся вширь по пространству насыпей раннего Баргаякова, ни химеричных камней Каракургена, ни «аэродинамики» Туума. Уходит тот нерв культуры и общества, что полтора века — от Аржана до Салбыка — заставлял строителей делать мемориал каждого нобия отличным от стоящих рядом соседей и предшественников. Наступает эпоха крепкого унифицированного массового дизайнера мемориальных комплексов — «сарагапенская ИКЕА». Почему мы не видим этого ни до ни после?

Поэтичная метафора духа времени и его судьбы открывается нам в самих находках из этих мемориалов. Со «Старшим» Аржаном в регионе появляются круглые бляхи с пантерами — свернувшимися, вроде бы статичными, но напряженными, готовыми развернуться и броситься на добычу кошками. Во времена Салбыка и Аржана 2, в первой половине — середине VII в. до н. э., ни в каких мемориалах знати их уже нет (Чузунов, 2011. С. 69–77), их сменяют лежащие и чинно шествующие, полные достоинства львы, леопарды, барсы. Зато в Восточную Европу и на Ближний Восток круглые «великолепные кошки» как приходят на рубеже веков, так и существуют там позднее (Ильинская, 1971), давая многочисленные дериваты — универсальный маркер и наследие Геродотовых скифов, пришедших из глубин Азии.

А тут, над упорядоченными социумами азиатских скифских царств, дух ищущих первенство возмутителей спокойствия, олицетворяемый «круглыми кошками» и воплощенный в мемориалах, более не витает. Свернувшихся пантер — беспокойных, ожидающих, готовых к действию — навсегда уносят на одежде и сбруе своих коней в Западный поход те, кому эти социумы не по мерке — младшие сыновья, неуживчивые соседи и прочие «молодые негодяи». Дерзкая вольница. Cat people.

Александров и др., 2014 – Александров С. В., Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Пюса на севере Хакасии // Археологические раскопки на дорогах Хакасии. СПб., 2014. Вып. 3.

Алексеев и др., 2005 – Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. П., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Ван дер Плихт Х., Поснерт Г., Семенов А. А., Скотт Е. М., Чузунов К. В. Евразия в скифскую эпоху // Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Акулов, Паульс, 2008 – Акулов А. Г., Паульс Е. Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Тр. II (XVIII) археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.

Зайцева и др., 2007 – Зайцева Г. П., Чузунов К. В., Алексеев А. Ю., Дергачев В. А., Васильев С. С., Семенов А. А., Кун Г. Т., Скотт Е. М., Ван дер Платт Х., Боковенко Н. А., Кулькова М. А., Бузова Н. Д., Лебедева А. М., Юнгер Х., Сониннен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.

Ильинская, 1971 – Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010а – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2010.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010б – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2010.

Ковалев и др., 2014 – Ковалев А. А., Рукавишников П. В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни — это памятники-кеностафы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии: Сб. ст. Барнаул, 2014.

Лазаретов, 2006 – Лазаретов П. П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее / Автореф. дис. на соиск. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

Лазаретов, Поляков, 2008 – Лазаретов П. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008.

Марсадалов, 2015 – Марсадалов А. С. Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. СПб., 2015.

Паульс и др., 1985 – Паульс Е. Д., Подольский М. А., Седых В. Н. Большой тагарский курган около ст. Тигей в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.

Поляков, Святко, 2009 – Поляков А. В., Святко С. В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5.

- Седых, Марсадалов, 2009* – Седых В. Н., Марсадалов А. С. О возможных прототипах тагарских бронзовых нагрудных // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5.
- Сыма Цянь, 1972* – Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1972. Т. I.
- Сыма Цянь, 1975* – Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1975. Т. II.
- Хаврин, 2007* – Хаврин С. В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // Сб. науч. трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб., 2007.
- Членова, 1997* – Членова Н. А. Центральная Азия и скифы. М., 1997.
- Чузунов, 2011* – Чузунов К. В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тувы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: Тез. докл. круглого стола. Караганды, 2011.
- Kuz'min, 1994* – Kuz'min N. Yu. Kuz'min Burial mounds of nobles of the early skythian period in the Minusinsk hollow, Siberia // New archeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. SPb., 1994.